

Экран и сцена -
1999. - май (~18). -
с. 4.

Станислав Говорухин снял новый фильм, доказав, что не перевелись на земле русской мастера кинорежиссуры, способные не испортить литературный первоисточник, будь то роман, повесть или просто обыкновенный сценарий. Перенести его на экран в целостности и сохранности. У фильма, как у годящейся замуж девицы, все на своем месте: фабула крепка, изображение — красиво, ни одной детали не пропущено, актеры свое дело знают. Словом, все ружья стреляют. Особенно то, которое главный герой, волевой и славный пенсионер в исполнении Михаила Ульянова покупает в Москве на Птичьем рынке, чтобы отомстить обидчикам своей внучки. С режиссурой все в порядке, об этом можно и не говорить. Скорее интересно другое: фильм снят во время парламентских каникул депутатом Государственной Думы Станиславом Говорухиным в продолжение думской деятельности. Фильм является как бы младшим братом, донашивающим за старшим — депутатом — его основополагающие взгляды, политические принципы, поведенческие детали. Делаящих их более явными. Тем более, что отлиты они в форму художественного произведения — зрительского поучительного (проучительного) кино, не терпящего многоточий и тому подобных интеллигентских знаков препинания.

Надо отдать должное Станиславу Говорухину за его последовательность. В жизни и в искусстве. В своих фильмах и сценариях он, в большинстве случаев, предпочитал наказывать, и довольно жестоко, провинившихся героев за бандитские наклонности. Вспомнить хотя бы сладострастную поочередную расправу над бедолагами "Десяти негритят". Первоисточник не может служить исчерпывающим доказательством правоты режиссера, правда? Тем более, что в пику Агате Кристи и в угоду настроениям тогдашнего общества (или самого режиссера?), в фильм была включена дополнительная сюжетная даже не линия, а штрих, — взаимная симпатия героев Татьяны Друбич и Александра Кайдановского, с желательной в конце 80-х постельной сценой. Романтическая склонность героев друг к другу, возникшая в сюжете детектива, усиленная мужественной красотой Кайдановского и женской слабостью Друбич, вызывала у зрителя острую надежду на хэппи энд хотя бы для двоих. Тем более, что для наказания за содеянное зло — пытки страхом — было бы вполне достаточно. Однако режиссер предпочел не пользоваться многим позволяющей — даже отклонение от литературного сюжета! — авторской свободой. Методично доводя дело до конца, ликви-

Каменюка — орудие коммуняки,

или Говорухин отвечает Михалкову

Евгения ЛЕОНОВА

дировал всех персонажей одного за другим. Визуализация режиссерского представления о справедливости совпала с выполнением воли другого персонажа — судьи-убийцы, маниакального старикана, сыгранного Владимиром Зельдиным, на старости лет перепутавшего себя с Богом, присвоившего себе божественные функции и полномочия. Нечто подобное происходит с Глебом Жегловым, агрессивность которого приобретает обаяние благодаря Владимиру Высоцкому. Пусть Шарапов недоволен, Жеглов свое дело уже сделал. Такие персонажи, как судья, Жеглов, дедушка-пенсионер — Ворошиловский стрелок, на роли которых режиссер со свойственным ему высоко профессиональным чутьем назначает актеров, по человечески симпатичных публике, просто берут зрителя в клещи. Попробуй не поверь Высоцкому или Ульянову. Что бы они ни делали, зритель не может судить их здраво, не может освободиться от их обаятельного влияния, попадая тем самым под воздействие другой не менее сильной личности, под актерский шумок проводящей свою политику: трансформирующий до нужного вида придуманную Вайнерами "Эру милосердия".

Во младенчестве "Ворошиловский стрелок" назывался "Женщиной по средам", в девичестве — "Сицилианской защитой". Так основной акцент переместился с персонажей — виновников, зачинщиков сюжетной коллизии, на главного героя. Название, под которым вышел фильм, действительно наиболее удачное, именующее главного героя и определяющее тактику его поведения. Тогда как "Сици-

лианская защита" — название, к которому все уже успели привыкнуть, немного не соответствовало действительности: суть фильма сводится, отнюдь не к защите, а к мести, которой главный герой предается с таким же экзотическим сладострастием, как его предшественники — Глеб Жеглов, судья (не помню, как его фамилия), Айртон и индеец Джо. И хотя в первых кадрах фильма главный герой выказывает настоящее умение играть в шахматы, партию с обидчиками внучки он разыгрывает по знаменитой методике Остапа Бендера, а суть сицилианской защиты при этом сводится к не менее знаменитому "шаху конем по голове". Правда, Говорухин несколько меняет концепцию, в следствии чего первичная цель — голова — превращается в то место, которое ниже спины. Как раз в эту мишень, дабы никогда больше не совершалось злостное насилие над молодыми девушками, целится из винтовки с оптическим прицелом герой Михаила Ульянова, попутно реабилитируя оригинальное звание, замененное с "уходом" Климента Ворошилова — "одного из выдающихся деятелей КПСС, верного ученика Ленина, маршала" и так далее (цитата из энциклопедического словаря) — на менее торжественное, более прагматичное — "меткий стрелок".

Пафос картины не исчерпывается обращением к методике национального русского героя. Для того, чтобы было понятно, что же все-таки происходит на экране и откуда такая чудовищная агрессия, в фильме постоянно слышатся две фразы: "что же они с нами сделали", "они нас до этого довели", до боли напоминающие непро-

изнесенные слова одного из персонажей "Войны и мира" — маленькой княгини, к которой даже сам автор относился с явным неодобрением: "я всех вас любила, ах, за что же вы это со мной сделали!" — жалкий призыв беспомощного, безвольного существа, пытающегося найти крайнего, виновного в своих несчастьях. "Господа, вы звери, господа". Безусловно, герой Ульянова не похож на маленькую княгиню. Но фразы с его уст слетают те же самые. И действовать он все-таки начинает так, как стала бы действовать психически неуравновешенная, избалованная женщина: наказывать по своему разумению. Если бы маленькая княгиня планомерно отстреляла из дульного пистолета отца и сына Балконских за нанесенные ей обиды, вышло примерно бы то же самое. Действительно, "женщина по средам", а булыжник — орудие пролетариата. Созидательная детородительная программа свелась бы к коммунистическому разрушению, уничтожению. Ну, что же... На земле наступает покой, когда умрут все.

Но Станиславу Говорухину совсем не хочется, чтобы умирали все. Достаточно, тех, которые они — продажные представители продажной власти. Их олицетворением в фильме являются — некий милицкий чин в исполнении Александра Пороховщикова и следователь городской прокуратуры в исполнении депутата Семаго. Тут снова проявляется профессионализм режиссера, выбравшего актера с изумительно холодным лицом и гениальными глазами, благодаря чему ему по силам любые роли — как требующие благородства (Павел Пестель), так и полные иезуитства (ка-

питан в "Войска", реж. Янош Сас). Столь же удачной выдумкой было приглашение в картину Семаго, отдыхающего, так же как и Говорухин, между парламентскими сессиями. Семаго блестяще сыграл явно не чистого на руку прокурора, запросто общающегося с девушками с панели, явно изменяющего жене, доводящего до слез и без того замученную главную героиню (Анна Синякина), — неопценные штрихи к портрету персонажа. Ведь до этого момента зритель по телевизору видел только то, как депутат Семаго умеет драться.

Торгаши обличаются в фильме не менее яростно, чем чиновники, причем наиболее неприятной в этой компании оказывается мать главной героини (Ирина Розанова), которая готова принять деньги от насильников, чтобы выкупить товар, застрявший в каком-то порту. Интересно, что одевает дочку именно мать, а не дедушка, у которого девочка живет. Поэтому именно мать косвенно становится причиной надругательства над героиней. В книге "Как вести себя в экстремальных ситуациях", вышедшей в 1994 году, было недвусмысленно указано на то, что в девяти случаях из десяти женщина сама провоцирует насилие своим вызывающим видом — короткой юбкой, высокими каблуками и отсутствием бюстгалтера. Возможно, авторы фильма подразумевали, что если бы героиня одевалась на дедушкину пенсию, выплачиваемую к тому же в провинции более чем нерегулярно, насильники просто бы не обратили на нее внимания.

Смысл фильма "Ворошиловский стрелок" конкретен так же, как его название. Оскорбление можно смыть только кровью. Своеобразный нехристианский ответ христианскому сопротивлению Никиты Михалкова только при меньших финансовых затратах. Последнее — немаловажно. Однако этот положительный факт уравнивается другим фактом, вероятно (думаю Станислав Говорухин согласится), более значимым, нежели презренные деньги. Слишком реально бочка пороха — человеческая душа, около которой режиссер так неосторожно чиркает огоньком — агрессивностью своего фильма. Либо Станислав Говорухин не читал надписи на спичечном коробке, либо у него есть свое собственное бомбоубежище.

И еще. Как уживается жестокость говорухинского фильма с наблюдательными комитетами, за которые ратует режиссер, призванными не пропускать на экран "чернуху". Наверное, при условии, что наблюдательный комитет состоит из таких же ворошиловских стрелков.

● Станислав Говорухин.
Рабочий момент